

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДЛИННОКЛИНКОВОМУ ОРУЖИЮ
ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ В РАЗВИТОМ И ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ ***

Статья посвящена вводу в научный оборот новых материалов по длинноклинковому оружию ближнего боя из числа случайных находок с территории юга Приенисейского края. Предметы в количестве 8 экземпляров охарактеризованы как сабли и палаши. Дано их описание, по ряду характерных особенностей определена принадлежность енисейским кыргызам развитого и позднего средневековья.

Ключевые слова: Южная Сибирь, развитое и позднее средневековье, сабля, палаш, клинок, перекрестие-гарда, черен, ножны, принадлежность.

Южно-Сибирско–Центрально-Азиатский историко-культурный регион как родина крупнейших и могущественнейших государственных образований в мировой истории (гуннской державы, тюркских каганатов, Монгольской империи) играл важную роль в судьбах населения Старого Света. Но при этом народы Южной Сибири не являлись лишь пассивными объектами внешней политики и военного воздействия со стороны своих могущественных южных соседей. Так, енисейские кыргызы – создатели древнейшего в пределах современной России государства, сокрушив в 840 г. Уйгурский каганат, подчинили своей власти огромные территории от Амура до Иртыша. Именно Кыргызский каганат стал в истории региона наиболее долго существующим государственным образованием, а позднее енисейские кыргызы оказались единственным народом Сибири, который русские власти в период ее присоединения к России так и не смогли подчинить силовым путем. Все это объяснялось и обеспечивалось рядом факторов, главными из которых, как показывают результаты фундаментальных исследований, были состояние военно-мобилизационной организации и военного дела в целом, а так-

же (не в последнюю очередь) уровень развития вооружения. По этой причине изучение военного дела данного этноса будет еще долго оставаться актуальной научной задачей.

Внимание к таким феноменальным достижениям енисейских кыргызов в военном деле и выяснению их причин в зарубежной и отечественной науке проявлялось уже давно, фактически начиная с XVII в. Так, первые описания их военного дела и вооружения были выполнены еще русскими первопроходцами. Ряд аспектов истории и современного состояния военного дела кыргызов (в конце XVII в.) затрагивались И. Идесом и А. Брандом [1967. С. 281]. В дальнейшем накопление как письменных и фольклорных, так и археологических материалов, позволило достаточно подробно охарактеризовать военное дело и вооружение енисейских кыргызов как развитого, так и позднего средневековья, о чем нам уже приходилось писать [Скобелев, 2007]. Результаты изучения такой категории оружия в составе оружейного комплекса, как клинковое, также нашли свое отражение в ряде публикаций [Бахрушин, 1955; Николаев, 1972; 1982; Бутанаев, 1981; 2002; Кызласов,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-01-00258а).

1980; 1983; Кызласов, Леонтьев, 1980; Худяков, 1980; 1982; 1997; 2002; Худяков, Скобелев, 1984; Савинов, 1990; Грач и др., 1998; Бутанаев, Худяков, 2000; Худяков, Ким, 2001; Выборнов и др., 2003; Соловьев, 2003; Скобелев, 2006; Бобров, Худяков, 2008; Бобров и др., 2010].

Однако относительно сабель – одного из видов длиннокликового оружия, широкое бытование которых в составе оружейного комплекса кыргызов подтверждается данными письменных источников, хакасского фольклора и изобразительного творчества [Бахрушин, 1955; Бутанаев, 1981; Кызласов, Леонтьев, 1980], в распоряжении специалистов имелись крайне скудные и плохо атрибутируемые материалы археологического происхождения. Так, если палаши на территории древней родины кыргызов – в северном Присаянье, в закрытых археологических комплексах обнаруживали неоднократно (последняя по времени сводка таких находок дана нами) [Скобелев, 2006], то уверенно определяемые как сабли, т. е. заметно изогнутые, образцы длиннокликового оружия были известны лишь из числа случайных находок, даже происхождение которых с территории Приенисейского края иногда не было уверенно установлено [Бобров, Худяков, 2008. С. 274–283]. В связи с этим возникла острая ситуация несоответствия сведений письменных, изобразительных источников и фольклора с данными археологии. Поэтому любые новые материалы относительно этой категории оружия чрезвычайно важны для реконструкции в целом комплекса вооружения кыргызов.

К сожалению, вводимые нами в научный оборот в настоящей статье материалы не происходят из закрытых археологических комплексов, что серьезно снижает их научную ценность. Все описываемые сабли и палаши (вместе с большим количеством иных предметов явно археологического происхождения) предоставлены авторам настоящей статьи А. Я. Ананьиным, в течение ряда лет собиравшим их в пунктах приема металлолома в населенных пунктах на территории юга Красноярского края и Хакасии. Однако даже в такой ситуации их публикация будет иметь важное значение с точки зрения количественных характеристик для данного вида вооружения (статистики), а некоторые характеристики внеш-

него вида предметов позволят сделать определенные выводы относительно того, когда и в чьих руках они находились перед попаданием в грунт.

Всего в нашем распоряжении имеется 8 предметов железного длиннокликового оружия ближнего боя. Степень их сохранности различная, однако, общее состояние позволяет дать достаточно полную характеристику даже для наиболее плохо сохранившихся экземпляров.

Изделие № 1 (рис. 1, *a*) сохранилось достаточно хорошо и от коррозии металла пострадало в наименьшей степени из числа всех имеющихся находок. Это объясняется наличием сильной окалины на большей поверхности предмета, образовавшейся, видимо, из-за длительного пребывания его в среде с высокой температурой.

Клинок является цельнокованным, равномерно изогнутым по всей длине, вытянуто-треугольным в сечении (в виде острого угла со слабо закругленными боковыми сторонами равной длины), с прямым обухом («спинкой») толщиной около 5 мм у рукояти и 3 мм у кончика, без дол, орнамента, рисунков или надписей. Его общая длина вместе с череном составляет примерно 80 см (длина черена около 8,5 см). Ширина клинка у плечиков около 3,5 см, далее он плавно сужается к острому концу – скошенному на обе стороны колющему окончанию клинка, заточенному с обеих сторон и имеющему заметное ребро жесткости в виде плавного утолщения по продольной линии (см. рис. 1, *a*).

На клинке присутствуют 2 железные обоймы с кольцами для крепления оружия к поясу или португее (см. рис. 1, *a*). Обоймы имеют значительно больший размер, чем ширина клинка, что свидетельствует о былом наличии ножен, видимо, из органических материалов, утраченных в погребальном огне. У основания клинка присутствует фигурная оковка-обойма длиной примерно 10 см, согнутая из цельной тонкой пластины железа – на всех участках она очень плотно прилегает к телу клинка (рис. 1, *b*). Оковка-обойма, видимо, служила для более плотного удерживания клинка в ножнах и предохранения от порезов рук и устья ножен при вставлении в них клинка; кроме того, в горячке боя воин мог охватывать пальцами и часть лезвия клинка и данная деталь оружия

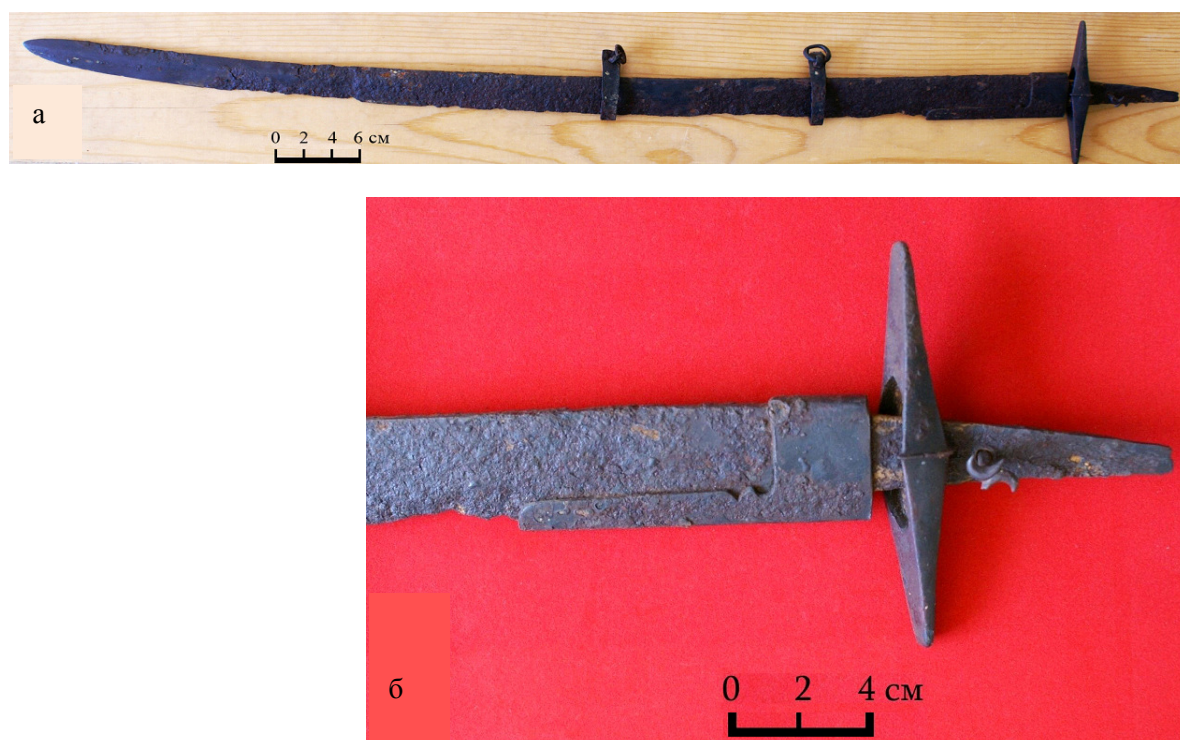

Рис. 1. Общий вид (а) и рукоять (б) сабли с двумя обоймами для ножен (железо)

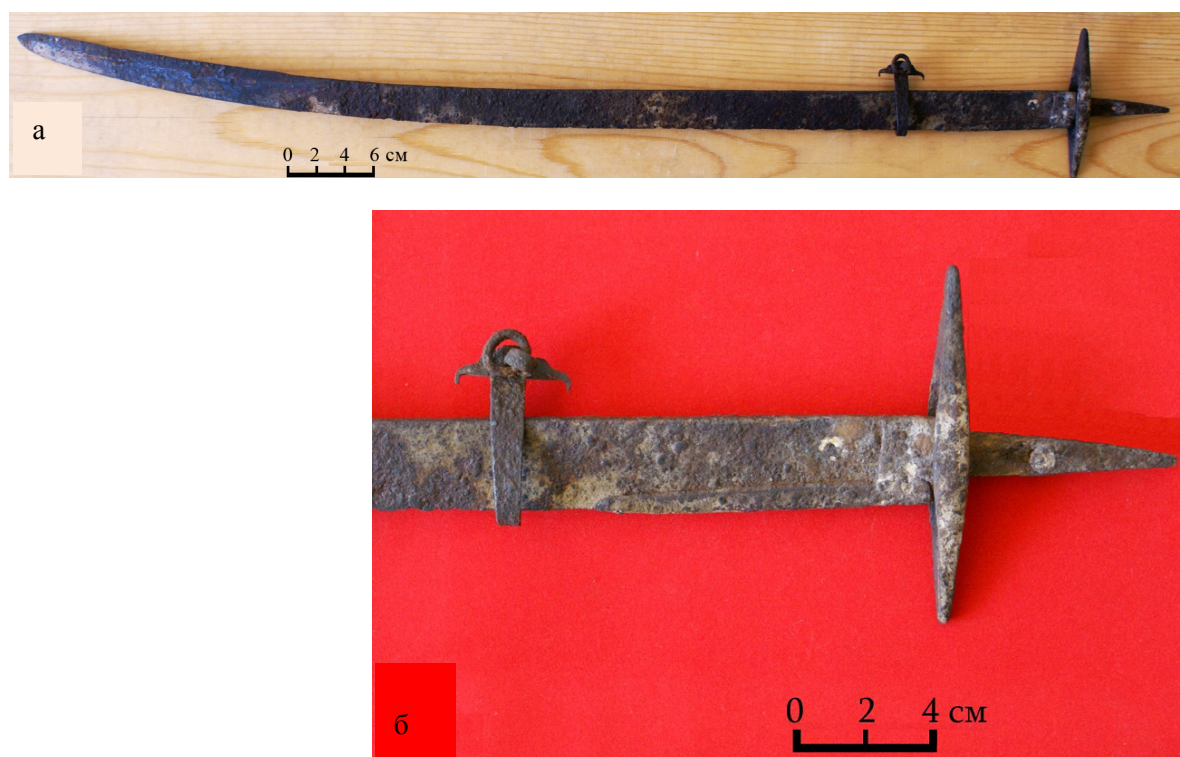

Рис. 2. Общий вид (а) и рукоять (б) сабли с одной обоймой для ножен (железо)

в таком случае предохраняла его от неудобства хвата заостренной поверхности и даже порезов [Горелик, 2004. С. 86].

Ступенчатое сужение клинка в месте перехода в собственно черен («плечики») создает упор для железного напускного перекрестия-гарды по типу «ладья» общей длиной несколько более 12 см. Эта деталь оружия при взгляде сбоку имеет ромбообразную форму (с расширением треугольного очертания у черена и сужающимися концами) (см. рис. 1, б). Заметное выступание перекрестия за линии черена и клинка позволяет охарактеризовать его не только как упор, но и защиту для руки фехтующего.

Заметно сужающийся к концу и подпрямоугольный в сечении, цельнокованный с клинком, пластинчатый черен значительной длины слегка отогнут (наклонен) книзу, т. е. расположен не на одной оси с полосой клинка. У его середины пробито отверстие, в которое вставлена крупная железная заклепка с головкой фигурной формы (в виде двух полумесяцев), видимо, служившая для крепления не сохранившихся обкладок рукояти (см. рис. 1, б). Наличие сохранившейся заклепки создает определенные возможности для частичной реконструкции рукояти, которая, видимо, имела деревянные, костяные или иные обкладки органического происхождения. Следов навершия или устройств для его закрепления не сохранилось.

Исходя из заметного и равномерного изгиба клинка, изделие может быть уверенно отнесено к числу сабель.

Изделие № 2 (рис. 2, а) в общих чертах и по размерам почти аналогично изделию № 1. Имеет в целом хорошую сохранность, хотя и несколько худшую, чем у первого из образцов (видимо, из-за несколько меньшей степени обожжения). На черене, перекрестии и ряде участков клинка видны следы корки известкования, что может говорить о длительном сроке пребывания данного предмета в грунте. Отличается от первого образца тем, что изгиб клинка не равномерный, а присутствует наиболее заметно на второй трети его длины. Оковка-обойма на клинке и заклепка на черене не имеют фигурного оформления – напротив, верхняя часть единственной сохранившейся обоймы ножен имеет фигурное скобчатое оформление. Конец слегка отогнутого книзу черена сильно заужен (рис. 2, б). Общая длина

предмета 82 см, длина оковки-обоймы 9,4 см, длина перекрестия-гарды 11,2 см, ширина клинка у «плечиков» 2,4 см, длина черена 7 см. Изделие может быть уверенно отнесено к числу сабель.

Изделие № 3 (рис. 3, а) в общих чертах и по размерам почти аналогично изделиям № 1 и 2. Степень сохранности также хорошая из-за сильного обожжения, за исключением заметно коррозированного конца клинка, в связи с чем не удастся проследить наличие возможной двусторонней заточки и ребра жесткости на нем. По характеру изгиба клинка отличается от изделия № 2 тем, что место наиболее заметного изгиба (почти колена) сдвинуто ближе к рукояти и находится почти посередине клинка. Обоймы для ножен отсутствуют. Хорошо сохранившаяся оковка-обойма имеет фигурное оформление нижней части. Черен длиной 8 см, заметно отогнутый книзу, имеет своеобразную суженную в середине форму, закругленный конец и заклепку для рукояти, расположенную близко к его концу (рис. 3, б). Общая длина предмета 90 см, длина оковки-обоймы 11 см, длина перекрестия-гарды 11,3 см, ширина клинка у «плечиков» 2,4 см, длина черена 8 см. Изделие может быть уверенно отнесено к числу сабель.

Изделие № 4 (рис. 4, а) сохранилось заметно хуже первых трех из-за меньшей степени обожжения, заметно пострадал от коррозии металла (общая степень сохранности близка к состоянию конца изделия № 3). Сам клинок почти прямой, со стороны лезвия сильно сужающийся к острому отогнутому концу. Обоймы для ножен отсутствуют. На сильно коррозированной оковке-обойме прослеживаются следы ее фигурного оформления. Напускное перекрестие-гарда по типу «ладья» имеет обычную удлиненно-ромбовидную форму, однако оно заметно короче, чем на первых трех образцах. Широкий у «плечиков» черен, заметно отогнутый книзу, имеет также широкий закругленный конец и заклепку для рукояти, расположенную точно в его средней части (рис. 4, б). Общая длина предмета 88 см, длина оковки-обоймы 9 см, длина перекрестия-гарды 7,2 см, ширина клинка у «плечиков» 2,7 см, длина черена 7,8 см. Изделие из-за отсутствия заметного изгиба клинка условно может быть отнесено к числу палашей.

Изделие № 5 (рис. 5, а) по форме клинка и размерам почти аналогично изделию № 3.

Рис. 3. Общий вид (а) и рукоять (б) сабли с фигурным оформлением оковки-обоймы (железо)

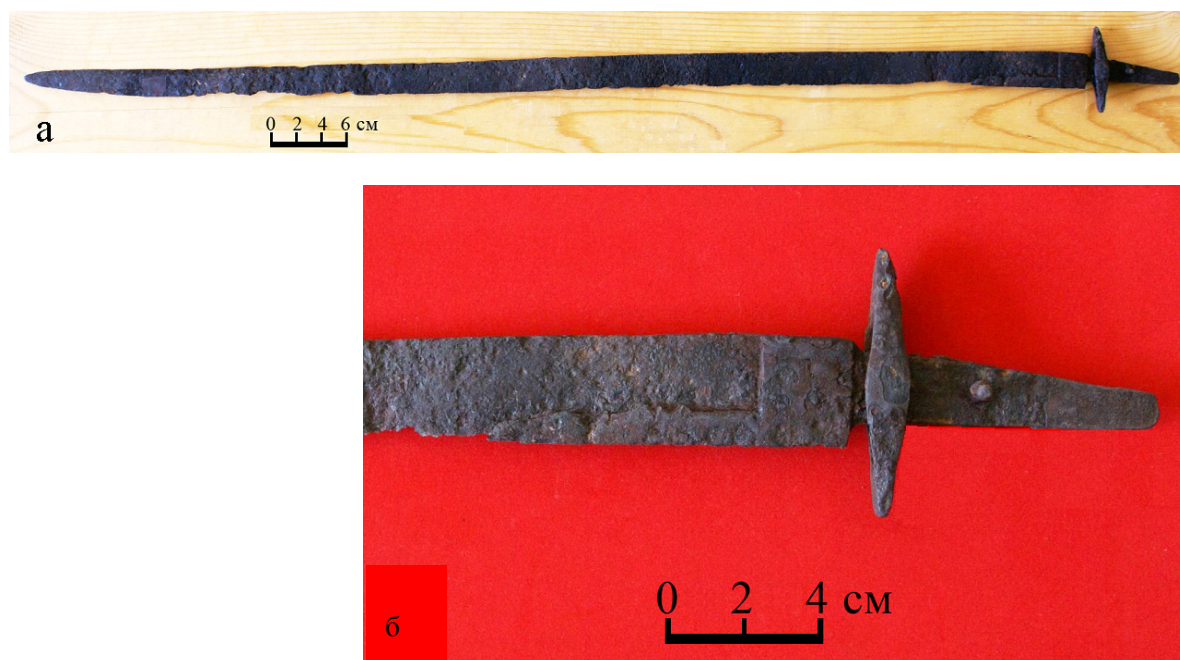

Рис. 4. Общий вид (а) и рукоять (б) палаша с коротким перекрестием-гардой (железо)

Рис. 5. Общий вид (а) и рукоять (б) сабли с коррозированной и поврежденной оковкой-обоймой (железо)

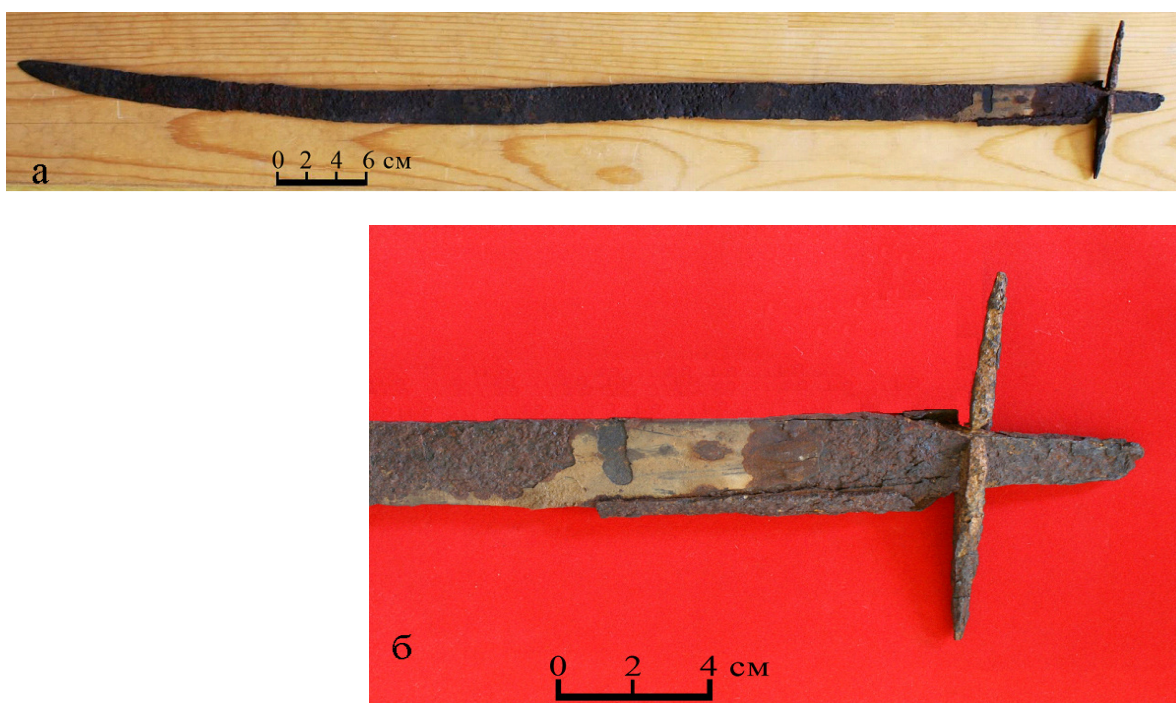

Рис. 6. Общий вид (а) и рукоять (б) сабли с пластинчатым перекрестием-гардой (железо)

Рис. 7. Общий вид (а) и рукоять (б) палаша с коррозированной и поврежденной оковкой-обоймой (железо)

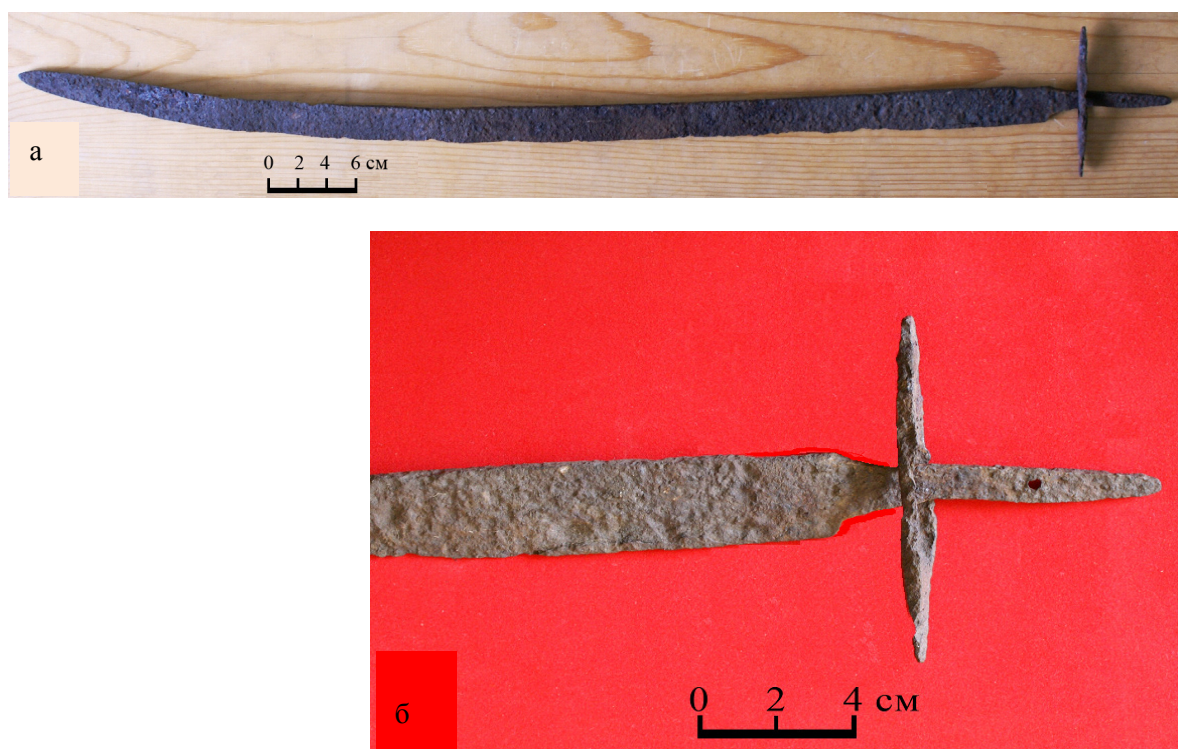

Рис. 8. Общий вид (а) и рукоять (б) сабли без оковки-обоймы (железо)

Имеет сохранность несколько худшую, чем даже у изделия № 4 (видимо, из-за еще меньшей степени обожжения). На черене, перекрестии и ряде участков клинка видны следы корки известкования, что может говорить о длительном сроке пребывания данного предмета в грунте. Обоймы для ножен отсутствуют. Плохо сохранившаяся (заметно коррозированная и поврежденная механическим путем) оковка-обойма на клинке не имеет фигурного оформления. Черен очень слабо отогнут книзу. Заклепка на черене находится в его средней части. Достаточно широкий конец черена имеет выемку в торцевой части (рис. 5, б). Общая длина предмета 87 см, длина оковки-обоймы почти 10 см, длина перекрестия-гарды 9,8 см, ширина клинка у «плечиков» 3 см, длина черена 6,7 см. Изделие может быть уверенно отнесено к числу сабель.

Изделие № 6 (рис. 6, а) по форме клинка и размерам почти аналогично изделию № 3. Имеет плохую сохранность; каких-либо следов окалины не отмечается. На черене, перекрестии и ряде участков клинка видны следы корки известкования, что может говорить о длительном сроке пребывания данного предмета в грунте. Обоймы для ножен отсутствуют. Очень плохо сохранившаяся оковка-обойма на клинке не дает возможности определить вероятность ее фигурного оформления. Данный образец оружия отличается заметно скошенными «плечиками» и наличием длинного перекрестия-гарды упрощенной формы – в виде простой железной пластины толщиной около 0,5 см в форме сильно вытянутого ромба с отверстием для насаживания на черен в середине. Широкий пластинчатый черен расположен практически на одной продольной линии с клинком. Из-за сильной коррозии металла конец черена утрачен, не удается проследить и наличия заклепки на нем (рис. 6, б). Общая длина предмета 77,6 см, длина оковки-обоймы 9,2 см, длина перекрестия-гарды 12,9 см, ширина клинка у «плечиков» 3,2 см, длина сохранившейся части черена 5,2 см. Изделие условно может быть отнесено к числу сабель.

Изделие № 7 (рис. 7, а) по форме клинка и размерам почти аналогично изделию № 4. Имеет плохую сохранность; каких-либо следов окалины не отмечается. На всей поверхности предмета видны следы заметной корки известкования, что может говорить о

длительном сроке пребывания данного предмета в грунте. Обоймы для ножен отсутствуют. Очень плохо сохранившаяся (сильно коррозированная и поврежденная) оковка-обойма на клинке не дает возможности определить вероятность ее фигурного оформления. Перекрестие-гарда первоначально, видимо, имело обычную ладьевидную форму, но из-за сильной коррозии металла в настоящее время уверенно об этом говорить не приходится; по этой же причине невозможно установить и настоящую длину данной детали. Широкий пластинчатый черен с сужающимся концом расположен практически на одной продольной линии с клинком. Следы заклепки на нем прослеживаются в средней части (рис. 7, б). Общая длина предмета 90,8 см, длина оковки-обоймы 9,9 см, длина сохранившейся части перекрестия-гарды 9 см, ширина клинка у «плечиков» из-за сильной коррозии металла точно не может быть установлена, в нынешнем виде составляя 2,3 см, длина сохранившейся части черена 5,8 см. Изделие из-за отсутствия заметного изгиба клинка условно может быть отнесено к числу палашей.

Изделие № 8 по форме клинка аналогично изделию № 1, по оформлению плечиков и форме перекрестия-гарды – изделию № 6, по форме черена – изделию № 3 (рис. 8, а). Имеет плохую сохранность; каких-либо следов окалины не отмечается. Обоймы для ножен и оковка-обойма отсутствуют. Заклепка также отсутствует, отверстие для нее на черене диаметром около 0,3 см прослеживается ближе к его узкому закругленному концу (рис. 8, б). Общая длина предмета 80,2 см, длина перекрестия-гарды 11,2 см, ширина клинка у «плечиков» 2,7 см, длина черена 8,3 см. Исходя из заметного и равномерного изгиба клинка, изделие может быть уверенно отнесено к числу сабель.

Все эти предметы, исходя из длины их клинков (свыше 70 см), относятся к длинно-клинковому оружию ближнего боя, по материалу изготовления – к группе железных, по количеству лезвий – к разряду однолезвийных, по сечению клинка – к подразряду трехгранных, по форме острия – к виду изделий с симметричным острием, к типу с «плечиками» с обеих сторон, с перекрестиями и с прямыми или незначительно наклоненными черенами. Из-за отсутствия специального критерия относительно степени кривизны клинка следует считать условно

ным причисление части из них к палашам или саблям (предметов № 4, 6–7). Несмотря на отдельные указанные различия, необходимо отметить общее конструктивное «родство» всех этих предметов, исходя из близости как их основных форм и размеров, так и составных деталей. Они служили для нанесения и рубяще-режущих, и колющих ударов.

К сожалению, при отсутствии сведений об условиях обнаружения этих интересных предметов их датировка и принадлежность могут быть установлены лишь по имеющимся косвенным сведениям.

Так, считается, что широкое распространение данная категория оружия получила в кочевой среде Евразии в конце I – начале II тыс. н. э. (см.: [Худяков, 1980; Плотников, 1981; Соловьев, 1987] и др.). Например, единственная сабля, обнаруженная в памятниках чулымского варианта культуры кыргызов, датируемая XI–XIII вв., полностью входит в этот круг [Беликова, 1996. С. 75–76, рис. 35, 1]. На большинстве описанных нами предметов присутствуют оковки-обоймы. По мнению М. В. Горелика, в Южной Сибири данная деталь оружия была наиболее популярна в монгольское время [2004. С. 87]. Однако оковки-обоймы известны и на более поздних образцах такого оружия, например маньчжурских саблях времен Нурхацы (1559–1626 гг.); подобная деталь из золота имеется и на одной из сабель императора цинской династии Цянь Луна (1735–1795 гг.)¹. Обоймы ножен изделия № 1 с петлями в виде колец аналогичны таким же деталям ножен палаша из кургана № 1 XIII в. могильника Самохвал II в устье р. Абакан [Кызласов, 1980. С. 143–144]. Фигурное скобчатое оформление верхней части обоймы ножен на клинке изделия № 2 имеет полные аналогии с такой же частью детали с клинка палаша XIII–XIV вв. из памятника Соян-Сее на Енисее [Худяков, 1997. С. 16].

Исходя из изложенного, наиболее вероятным периодом бытования данного вида оружия следует считать предмонгольское и монгольское время, т. е. XI–XIV вв. При этом, учитывая существовавшую в данный период в Евразии тенденцию постепенного увеличения степени кривизны клинка [Ху-

дяков, 1997. С. 130], образцы сабель с наиболее изогнутыми клинками можно определять как более поздние по времени изготовления. Не исключено также, что отдельные из описанных нами предметов могли использоваться вплоть до начала Нового времени, т. е. до XVII–XVIII вв.

Исходя из сведений о регионе происхождения данного оружия, следует полагать, что оно принадлежало господствовавшему здесь тогда этносу – енисейским кыргызам. В пользу этого предположения может говорить такое важное обстоятельство, как наличие следов окалины на большинстве изделий. Несомненно, она образовалась на них в результате пребывания в сильном погребальном огне в связи с принадлежностью к комплексу предметов сопроводительного инвентаря. Известно, что енисейские кыргызы и родственные им этнические группы на Енисее своих покойников хоронили по обряду трупосожжения вплоть до начала – середины XVIII в. [История..., 1993. С. 168–169]; так, умерших качинцев, «ежели при смерти сами прикажут, со всем их платьем и ружьем, которым они владели, сожигают» [Крашенинников, 1966. С. 61]. Кроме того, на большинстве описанных нами предметов заметны следы от двух до трех поперечных изгибов полос клинков (видимо, нынешний распрямленный вид они приобрели лишь после извлечения из грунта). При этом если даже на каком-то предмете в современном виде следов окалины не отмечается, то на полосе присутствуют следы ее изгибов, и, напротив, при отсутствии явных следов изгибов имеется окалина. Обычай сгибать клинки вдвое или втрое перед помещением их в курган (после пребывания в погребальном огне) также характерен именно для енисейских кыргызов – причины этого для клинков, обнаруживаемых в закрытых комплексах, уже изложены в литературе [Худяков, 1980. С. 36].

Таким образом, можно констатировать, что часть описанных нами предметов длинноклинкового оружия ближнего боя можно датировать предмонгольским (XI–XII вв.), но большинство преимущественно монгольским временем (XIII–XIV вв.) с тенденцией еще большего омоложения некоторых из них, имеющих наибольшую степень изгиба полосы клинка. Несомненно, хронологические характеристики в таком виде отличаются значительной степенью неопределен-

¹ Chen T. Chinese Swords of the Past 2 Millenia. URL: <http://thomaschen.freewebspace.com/> (дата обращения: 24.11.2006) (на англ. яз.)

ности, однако, исходя из объема имеющихся на настоящее время об этих предметах сведений, более точных датировок для них установить пока не удастся. Вполне определенно можно лишь заявить, что все они принадлежали енисейским кыргызам. Тем не менее ввод этих материалов в научный оборот даже в таком виде будет способствовать дальнейшему изучению военного дела народов Южной Сибири развитого и позднего средневековья.

Список литературы

- Бахрушин С. В.* Енисейские кыргызы в XVII в. // Научные труды. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. С. 176–224.
- Беликова О. Б.* Среднее Причулымье в X–XIII вв. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1996. 272 с.
- Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2010. 288 с.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 776 с.
- Бутанаев В. Я.* Вооружение и военное дело хакасов в позднем средневековье (по материалам фольклора) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 188–197.
- Бутанаев В. Я.* Военное искусство тюрко-монгольских кочевников и его влияние на развитие ратного дела средневековой Руси // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 169–176.
- Бутанаев В. Я., Худяков Ю. С.* История енисейских кыргызов. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2000. 272 с.
- Выборнов А. В., Нечипоренко В. Н., Скобелев С. Г.* Новая разновидность погребального обряда на среднем Енисее в позднем средневековье – начале нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. Новосибирск, 2003. С. 46–58.
- Горелик М. В.* Об одной разновидности евразийских клинков // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 86–101.
- Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В.* Енисейские кыргызы в центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М.: Фондамента-Пресс, 1998. 84 с.
- Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М.: Гл. ред. вост. лит., 1967. 404 с.
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 года.* М.: Наука, 1993. 525 с.
- Крашенинников С. П. в Сибири.* Неопубликованные материалы. М.; Л.: Наука, 1966. 241 с.
- Кызласов И. Л.* Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980. С. 135–164.
- Кызласов И. Л.* Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. М.: Наука, 1983. Вып. ЕЗ-18. 128 с.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В.* Народные рисунки хакасов. М.: Наука, 1980. 176 с.
- Николаев Р. В.* Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск // СА. 1972. № 2. С. 198–205.
- Николаев Р. В.* Кыргызское погребение в Большемуртинском районе Красноярского края (К вопросу о движении тюркоязычных народов на север Сибири) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 131–135.
- Плотников Ю. А.* Рубящее оружие приртышских кимаков // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 146–162.
- Савинов Д. Г.* Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 114–131.
- Скобелев С. Г.* Новая находка палаша в позднесредневековом кыргызском погребении на Енисее // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3 (приложение 2): Археология и этнография. С. 150–176.
- Скобелев С. Г.* Характеристика комплекса вооружения коренного и русского населения Приенисейского края в XVII–XVIII веках, имеющего общее происхождение // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 155–169.

Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987. 193 с.

Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982. 238 с.

Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 160 с.

Худяков Ю. С. Комплекс вооружения кочевников Южной Сибири позднего средневековья // Военное дело номадов Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2002. С. 65–88.

Худяков Ю. С., Ким С. А. Вооружение кыргызских кыштымов // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001. С. 50–75.

Худяков Ю. С., Скобелев С. Г. Поздне-средневековое шаманское погребение в могильнике Ортызы-Оба // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 105–119.

Материал поступил в редколлегию 10.10.2010

S. G. Skobelev, M. A. Ryumshin

**NEW MATERIALS ON THE LONG BLADES WEAPON
AT KYRGYZS FROM YENISEY IN THE DEVELOPED AND LATE MIDDLE AGES**

Article is dedicated to introduction into the scientific use of new materials on the long blades weapon for the near fight from the number of random findings from the territory of the south of the Yenisey. Objects in a quantity of 8 pieces are described as sabres and broadswords. Their description is given, according to a number of characteristic properties is determined the connection with Kyrgyzs of the Yenisey on the developed and late Middle Ages.

Keywords: South Siberia, the developed and late Middle Ages, sabre, broadsword, blade, cross lines-garda, cutting, scabbards, belonging.